

Реформационное движение затронуло и автора „Беседы“, но иначе, чем Пересветова. Лозунг секуляризации земель дополнялся у автора слабым вниманием к авторитету святоотеческой литературы. На этом дело и кончалось. Публицист в целом находился на вполне ортодоксальной церковной позиции, чего нельзя сказать о Пересветове с его утверждением, что „бог любит правду больше, чем веру“. В сочинениях Пересветова не только нет ссылок на „святых отцев“, но и вообще о церкви как учреждении мы не найдем почти никаких упоминаний.

Значительно дальше шел Пересветов и в своих социальных взглядах. Если автор „Беседы“ предлагал лишь некоторое смягчение податного гнета, то Пересветов энергично выступал против кабального и полного холопства.

Разница отправных идеологических позиций определила разницу как в существе предлагавшихся обоими публицистами реформ, так и в форме, в которой они выражались. Оба публициста вкладывают свои думы и чаяния в уста исторических персонажей — в этом они сходятся. Но у Пересветова главные герои — крупные государственные деятели: Петр воевода волоцкий и Магмет-салтан. Автор „Беседы“ делает героями монахов, основателей Валаамского монастыря — Сергия и Германа.

Если Пересветов предпочитает жанр светской исторической повести и челобитной, прямо адресованной Ивану Грозному, то автор „Беседы“ избирает жанр, близкий к видению, т. е. из церковной литературы, и адресует свое сочинение монашествующей братии и лишь косвенно „царям“ вообще. Пересветов, отражая интересы передовой части господствующего класса, прежде всего задумывается о судьбах государства, изыскивая пути и средства для его укрепления. Для автора „Беседы“ главное — переустройство монашеской жизни, а изменения в политическом строе следует провести лишь исходя из этих преобразований и в связи с ними.

Пересветов — убежденный сторонник самодержавия и „царской грозы“. Сторонником самодержавной власти был и автор „Беседы“. Однако формы осуществления на практике самодержавия не очень волнуют этого публициста, выступающего против участия в политической жизни страны монашества, т. е. тех кругов, к которым он сам принадлежал. Если Пересветов предлагает решительно перестроить центральный аппарат, то автор „Беседы“ оставляет все по-старому, указывая только на вред, проистекающий от участия монашества в управлении страной. Поэтому у автора „Беседы“ самодержец на деле оказывается ограниченным Боярской думой и „прочими княжатами“ (возможно, также и земским собором). Этот публицист, как и Пересветов, выступал сторонником царской „грозы“, но лишь с тем условием, что „гроза“ должна быть милостивой.

Сравнение сочинений Пересветова с „Беседой валаамских чудотворцев“ показывает, что дворянский публицист середины XVI века отличался несравненно большей дальнозоркостью, чем представитель позднего нестяжательства, писавший после него не менее чем через пятьдесят лет.